

Когда я зашел к ней в комнату, чтобы сообщить, что вещи, которые она заказала у кузнеца, прибыли, я обнаружил, что та чуть не умерла.

Она чуть не погибла от несчастного случая.

Она чуть не погибла, потому что случайно надела заказанную ей вещь.

Не будь душой!

В тот момент мне показалось, что у нее свернулась шея. Хотя сейчас я был в состоянии неконтролируемой ярости, нет слов, чтобы описать эмоции, которые я испытывал, беспомощно наблюдая, как она опускается на пол, а ее шея медленно и странно изгибается.

Не могу передать, какое облегчение я испытал, увидев её извивающейся на полу.

Я не мог поверить, что всего лишь маленькая часть защиты создала такую ситуацию. Я задавался вопросом, была ли она мишенью, была ли она отравлена и так далее.

А все дело было в том, что эта маленькая вещь просто слишком тяжелая для неё.

Ее не интересовали ни платья, ни украшения, но она с радостью подарила бы мне все, что я захочу.

Я не мог бы оставить ее, ту, кто, как ребенок, не может оценить опасность для собственной жизни, одной.

В гневе я решил запереть ее в ее комнате. Но она не проявила раскаяния и не усвоила урок. Наоборот, она не понимала, почему я на нее сержусь.

Обидно, что единственный способ, который я могу придумать, чтобы отбить у нее охоту, - это не выпускать ее на прогулки, которые она обожает. Она знает, как причинить мне столько боли, сколько захочет, но я этого не знаю.

И поэтому я запер ее в своей комнате.

Было бы неплохо, если бы она чувствовала себя как дома в моей комнате. Чтобы меня встречали с улыбкой и приветствовали, или чтобы просто дремали на диване.

Сегодня вечером, когда я вернулся в комнату, она усердно работала над бумагами.

У нее в руках был словарь, и она очень подробно писала какие-то символы. Большинство словаря было заполнено символами, похожими на картинки.

Мне сказали, что это был ее родной язык.

Она говорит, что написала словарь своего языка, чтобы мы смогли понять людей из её страны, когда они придут к ней в гости.

Должно быть, ей было скучно в моей комнате, поскольку ей не разрешалось видеться с кем-либо еще.

□ Такие же символы ты написала на том письме. Что та надпись значила?

□ Я писала по-японски? Я не знаю, уже не помню.

Похоже, ее родной язык назывался японский. Я взял письмо из шкафа и протянул ей.

□ Ой, нет, я тут написала неправильно!

Когда она открыла письмо, то сразу заметила ошибку. Её легко найти, потому что есть несколько таких мест.

Я взял письмо из рук Нафафистей, которая оправдывалась тем, что была в тот момент расстроена, и перевернул его.

□ О, тут.

В середине обратной стороны письма она заметила маленькую букву. "Как можно написать что-то подобное, а потом так легко забыть об этом?" - подумал я, но она уже забыла об этом.

Она посмотрела на него мгновение, затем медленно улыбнулась.

Она молча смотрела на символ и, кажется, о чем-то думала или просто была в оцепенении.

Я не знал, о чем она думает, поэтому просто молча ждал ее.

□ Это мое имя.

Она подняла глаза от своего письма, на ее лице появилось слегка раздраженное выражение.

Ее имя.

Когда соседние страны предложили ее нам, они сказали, что она из пограничного племени без имени. Поэтому мы решили, что у нее нет имени.

У нее были бы все возможности назвать свое имя.

□ Почему ты раньше не сказала мне свое имя?

□ Потому что я думала, что если люди узнают мое настоящее имя, они могут использовать его, чтобы проклясть меня или убить.

Кажется, что в ее стране есть люди, которые могут делать странные вещи. Возможно, именно из-за этого она внезапно появилась в городе Анде.

□ Кана. Это произносится как ка-на.

Она произносила буквы одну за другой, показывая пальцами.

□ Кана*?

Я наблюдал за движением ее рта и пытался произносить буквы таким же образом. Я вспомнил, как когда дал ей имя Нафафистей, все было в точности так же.

Имя для неё было длинным и труднопроизносимым. Ну, ее имя короткое и простое. Неудивительно, что у нее были проблемы с этим.

Тогда я считал ее ребенком, и она все еще такая же.

□ Кана*.

Когда я назвал ее так, она выглядела смущенной и застенчивой. Она опустила взгляд на письмо, ее щеки слегка порозовели.

□ Когда я писала это письмо, я думала, что, возможно, мы больше никогда не увидимся, Ваше Величество.

После разговора с премьер-министром она действовала быстро. Казалось, она без колебаний покинула дворец. Я сомневался, что она послушно пойдёт туда, куда премьер-министр указывал. Я подумал, что она, возможно, попытается сбежать из дворца.

□ Так что, не забывайте меня. Вы сможете запомнить его, даже если не можете прочитать? Ну, мое имя.

Она опустил взгляд на письмо и пробормотал про себя.

О, понятно.

Внезапно я понял.

Ей не к кому обратиться в этой стране, куда она неожиданно попала. Она живет в этой стране уже более двух лет, но не знает, что будет завтра. Она знает, что находится в положении, из которого ее легко изгнать.

Не было ничего странного в том, что, подобно ушедшим королевам, она думала, что должна уйти. У нее не было веских причин думать, что она может остаться здесь, так как она не знала моей благосклонности.

□

Интересно, что она подумала, когда получила приговор от премьер-министра? Ей не к кому было обратиться, как она могла не волноваться? Поэтому ли она хотела найти дорогу на родину?

Дело не в том, что она хотела уехать.

Именно король заставил ее понять, что дворец - это место, которое она должна покинуть.

Маленькие слова, действительно маленькие, не были мольбой о помощи.

Это был способ попрощаться. Лицевая сторона письма была адресована королю, а обратная - мне.

Когда премьер-министр сказал ей это, даже если бы она сказала, что не хочет покидать дворец, было решено, что она покинет дворец. Ничто из того, что она могла сказать, не изменило бы этого, как она и думала.

Будучи королем, я не обещал ей, что не женюсь на другой королеве. Я не всегда готов принять решение, когда приходит время. Я ставлю свою страну выше ее.

Она знает это.

□

И все же я хотел, чтобы она мне что-то показала. Я знаю, что это эгоистично, но я хотел, чтобы

она хотела быть здесь. Я хотел, чтобы она прижалась ко мне.

Я хотел, чтобы она оставила что-то после себя, записку с просьбой не волноваться и ее настоящим именем.

На днях она попросила меня позвать её, когда я снова увижу ее.

Она пыталась донести свою мысль.

Не королю, а мне.

Письмо, которое могло стать последним, было попыткой успокоить меня. Она была уверена, что я буду волноваться.

И сейчас, прямо передо мной, она улыбается, не обижаясь на меня за то, что её пытались выгнать из дворца. Без беспокойства, которое могло бы быть.

Похоже, что для нее я ненадежный человек. Приятно, когда о тебе заботятся, но также обидно и досадно, когда другая сторона такая ненадежная.

Но пока я буду довольствоваться тем, что она думает обо мне. Несмотря на то, что она считала меня ненадежным, она хотела снова увидеть меня, поговорить со мной и оставить свое имя только мне. Она беспокоилась обо мне.

Она не собирается убегать отсюда. Она хочет быть здесь. Потому что, как она ответила однажды, ей нужно, чтобы ее поддерживали.

□ Кана?

Я называю ее по имени, и она застенчиво смеется.

*первое "Кана" было написано как □□, второе - уже как □□, оба звучат одинаково, так что хз как она поняла.

<http://tl.rulate.ru/book/51234/1799892>